

* * *

«...Возникает опасность того, что человек задохнется в той своей второй природе, которую он технически создает, тогда как по отношению к непокоренной природе, постоянно трудясь в поте лица, чтобы сохранить свое существование, человек представляется нам сравнительно свободным».

Карл Ясперс

«...Представим себе, что вторая промышленная революция завершена. Тогда средний человек со средними или еще меньшими способностями не сможет предложить для продажи ничего, за что стоило бы платить деньги. Выход один — построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи».

Норберт Винер

Силы телесные. Силы духовные. Сила интеллекта. Есть когда, хоть какая-то, из этих сил — есть человек. Ведь только через силу — способность человека *быть*.

Когда же их нет, то жизнь тогда — не жизнь, а — недосуществование.

И на это недосуществование обрекается все большее и большее число людей. Ведь большинству людей досталось от природы только тело и способность к чувству. А вот что до интеллекта, то неординарным интеллектом обладает, увы, меньшинство. Социум же новейшего времени (конец XIX — XX вв.) по преимуществу именно его (интеллекта) усилиями и создан. И вот в удел большинству, получается, выпадает — недосуществование, — жалкое прозябание то есть.

Как же ведет себя человек в ситуации частичной востребованности — в ситуации востребованности только лишь на ту или иную общественно-экономическую функцию?

А кто как!

Те, которые *рассудочного* типа, — те, которые суть авторы этой новейшей ситуации — ситуации *цивилизации*, — эти... этим получше, чем всем остальным: они ведь имеют то, что они и хотели иметь. Ну, если и не совсем уж то, то, по крайней мере, у них есть — есть? — есть?! — возможность вносить поправки в *содеянное* ими...

Другие — те, которые тоже с какой-нибудь там потенцией (ну, хотя б волевой), — те так или иначе активно (то есть *бурно*) протестуют против своего сегодняшнего удела...

Те же, кто по природе своей помягче, помирнее, — эти находят себе какие-нибудь *отдушины*, — каждый по своей наклонности; а те, которые еще того помирнее, еще больше покротче, — находят себя в том или ином *хобби*.

Ну, а те, индивидуальности у которых и на убожество хобби не очень хватает, — те пребывают в состоянии частичного — мутного какого-то — анабиоза.

Но даже и эти — живы они!

Невостребованное — оно живо в человеке. Оно о себе время от времени — пусть и уродливо, но — заявляет...

Как, как быть тем, кто не может по природному своему предназначению *быть* — *действительно* быть — в этой сегодняшней современности, которая уже и не общество, а — *гомеостаз*!?

Это вопрос из вопросов. Ведь он — про существование, про жизнь — подавляющего большинства людей!

А может, они ... может, это большинство — оно и не в счет?!

Может, очень даже может быть — что и не в счет. Но это соображение, если даже оно и есть истина, — оно для художника неприемлемо. Ибо такое соображение — оно есть приговор и ему самому. Ведь если в счет — совсем другие, — те самые, которые *рассудочные*, — что *художнику-то* делать среди них?!

Как быть человеку *плотского, чувственного* склада в сегодняшней ситуации...

Природный способ существования, то есть когда напрямую с материалом жизни: телесное, волевое и через Ratio его (материала жизни) себе подчинение — подчинение тремя этими способами именно в такой вот по их значимости последовательности. То есть власть над материалом жизни в этом случае и непосредственна и индивидуальна очень — по мере и способам своего проявления: то

есть человек материализует себя напрямую: он — в постоянном контакте с самим собой: он *живет*.

И *неорганический* способ существования — власть над материалом жизни когда *опосредованная*: рациональное перераспределение человека — превращение его в функцию, в частичного то есть человека.

Власть над материалом жизни при таком способе существования — власть опосредованная — и не чувственная тогда у человека связь с материалом жизни: живет человек в этом случае в мире, который все более и более становится *абстракцией*.

Для немногих утрата природного способа существования, хоть сколько-то, компенсируется через то, что — создают, творят, распоряжаются они. По крайней мере, распоряжаются куда больше, чем все остальные.

Для остальных же, для подавляющего большинства то есть, — для тех, кто перестал привычно — *телесно, чувственно* — быть, — для тех, для кого в новой ситуации определена роль только той или иной *функции*, — для этих *частичных* людей, — в компенсацию есть только одно существенное — *потребление* — единственное почти — жалкое — их утешение.

Быть, как прежде, — *природно* то есть, — это невозможно...

Быть, как есть... — но это, конечно, ощущение своей несостоятельности...

Как, как прорваться в бытие?! В то, что *считается* бытием сегодня...

Как обладать этим вот самым — новым бытием?!

Как стать — как ощутить себя — сбывшимся?!

Нет, ситуацию эту новую — ее не изменишь...

И себя ... себя не изменишь тоже...

Мутное томление... Мутные надежды... Мутные потуги рассудить свое положение...

А что — ведь бывает вот — удача кому бывает какая... Наследство, бывает, кому получить... Или выигрыш вот крупный бывает...

Или еще там какое-нибудь, может, везенье...

Хорошие деньги... Те, у кого сейчас ситуация, кто ею владеет, — богаты они. Все! И они... они — все, выходит, состоялись. И

если будут... если есть деньги ... большие деньги когда — тоже *жить* будет тогда можно — как они! Тоже можно будет тогда состоявшимися, значит, быть...

Только как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь — это сбылось вот чтоб!

Бредит, бредит нескончаемо этими убогими — мутными — силлогизмами больная душа нынешних отверженных.

Но — он ведь и не дурак человек! То есть этот новый отверженный. Он ведь может и думать. Он ведь — знаем мы это точно — сознает он ненормальность, унижительность, *убийственность* этого своего нынешнего положения. Чует он это, чует — если уж и не сознает вполне отчетливо!

Глеет, глеет в нем — протест!

Смирным — смиренно-пошлым — бывает в человеке только разум. Да, да — не плоть! Она ведь куда как старее и через то куда как много мудрее этого самого Ratio. Уж она-то никогда не будет предаваться всякого рода самообманам, — это по части Ratio, да!

И она, эта мудрая плоть, она — бунтует она!

Глупо, слепо, извращенно пусть, но — бунтует, бунтует, бунтует она!

Как, как быть человеку *плотского, чувственного* склада в сегодняшней ситуации...

Вопрос этот — это сквозная тема современности, — сквозной ее — *больной* ее вопрос!

Да, в прежнем (дотехнологическом) обществе было что не принимать и даже ненавидеть.

Но было, было ведь и то, что можно было и любить — страстно любить...

А что вот можно любить в век пара и электричества?!

Вопросом этим стали задаваться сразу же, как только начались проявляться черты нового — по Ratio устроенного — общества.

Но на вопрос вопросов — что, что *со всем этим* делать, то есть как *во всем этом* жить, а не перемогаться — на этот вопрос никто не сумел, хоть сколько-то внятно, ответить — ни в прошлом веке, ни в нынешнем!

Как, как быть человеку *плотского, чувственного* склада...

И что, что делать художнику — изобразителю-истолкователю *чувств* в ситуации этой — когда люди живут не *по чувству*, а *по соображению*?! Ведь положительно прекрасного — того, что можно *слышать, видеть, обонять*, — его-то ведь — нет его!

Наилегчайший способ быть — это обращение к художественному претворению всякого рода *исключительностей*. Исключительностей из сферы человеческих чувствований. А вернее будет сказать — эмоций. Ведь эмоции — они более телесны. Чувства же, наоборот, — они скорее духовны, чем телесны.

Телесность интегрированного в гомеостазах человека — телесность, снедаемая различного рода вожделениями, — все больше и больше *больными* вожделениями и *сознание человека гомеостаза* — сознание, жизнь которого есть все больше не чувствования, а тоже вожделения — и тоже вожделения *больные* — это-то вот все — оно и есть основное *изображаемое* в сегодняшнем искусстве.

Но изображается все это *такое* — всеми истинными художниками — всегда только лишь по принципу отталкивания от него, — от этого типично *городского*.